

Чашка кофе
у камина

АРТИСТ

Я зол, потому что голоден. Вообще-то мы идем в гости к Зиновию Гердту. Но я бы сначала охотно согласился перекусить, а потом уже брать интервью. Мы сегодня целый день проболтались по Москве, так и не удосужившись поесть. У Катерины с собой только яблоко. Что ж...

Дверь открывает жена Зиновия Ефимовича — Татьяна Александровна. Входим в большую комнату. Большой она стала потому, что когда-то была снесена стена между двумя комнатками. Огромная лампа на столе. Верхний свет погашен. Гердты ужинают. Нас тоже приглашают к столу. После третьего раза соглашаемся. Да, и к сердцу журналиста путь лежит порой через желудок.

В углу — 75 роз. Это подарок ермоловцев на день его рождения.

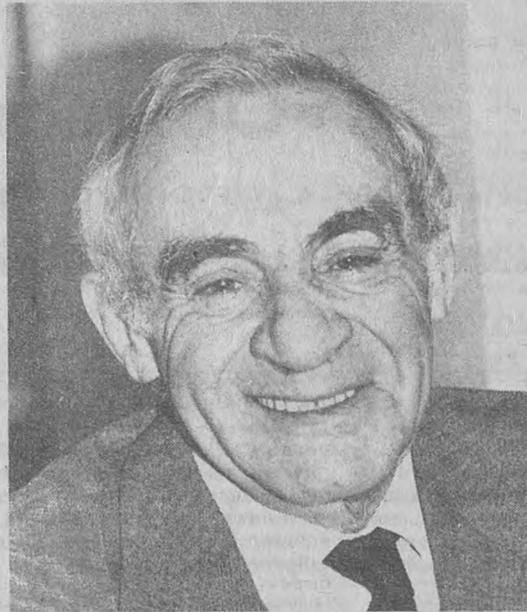
С чего начать разговор? Мы начинаем с начала — «путь в искусство». Конечно, шаблон! Зиновий Ефимович досадует: «Об этом столько раз говорено». Простите, Зиновий Ефимович, но иначе мы можем пропустить что-нибудь важное...

— КАК НАЧИНАЛСЯ мой путь в искусстве? Это так же случайно, как происходит очень много прекрасного. Но и закономерное, в какой-то мере. По образованию я — слесарь-электрик. Окончил ФЗУ — фабрично-заводское училище, в котором был ТРАМ — театр рабочей молодежи. Меня позвали в ТРАМ, и я приглашение принял. В качестве руководителя туда пришли два взрослых человека: Алексей Николаевич Арбузов и Валентин Николаевич Плучек. Потом уже была

театральная студия, совместно сочиненная пьеса «Город на заре». И все было бы прекрасно, но началась война.

Мы пошли на войну. Меня ранило. И о театральном поприще надо было забыть. Это было очень печально. Но однажды в госпитале я увидел выступление кукольного театра. Я подумал: там есть ширма, а за нею не видно, как ходят актеры. И после госпиталя я пришел к Образцову. Прослушал у него тридцать восемь лет. В 82-м ушел.

В качестве конференсье ходил пять тысяч раз. М-да... Это ошеломляющая цифра — с одной стороны, а с другой — я могу заверить публику, что никогда мне не было скучно играть конференсье. Никогда! Потому что каждый день находилась какая-то новенькая черточка, фразочка. Там была масса отсебятины, своеволия, импровизации. Что-то закреплялось, что-то уходило — в связи со злободневностью, временем, которое менялось. И всегда было интересно играть.

Зиновий Ефимович Гердт. 1991-16 год

НАД ПРОПАСТЬЮ —

МЕЖДУ
НАМИ И СОБОЙ

Мне вообще никогда не было скучно играть. Видимо, это еще потому, что у меня были выходы на кино, радио, телевидение. Я как-то вырвался из-за ширмы. Но навсегда ширму не покидал. Это было святое! И съемки — всегда в свободное от спектаклей и репетиций время. В театре же и ревновали, и не отпускали! Но я не занимался делом, которое могло стать однообразным. Были какие-то отвлечения и развлечения на стороне! Но это каламбур — развлечения это никогда не было. К тому же, кино я относился весьма строго, потому что уже было и м я, которое, каждый день надо было поддерживать и оправдывать. Оправдывать какую-то приверженность публики, чтобы не огорчать ее. Я знаю, что если я люблю человека — например, какого-то политического деятеля, мне бывает досадно, когда у него случаются ошибки, промахи. Но я его оправдываю, потому что я — пристрастный человек. Но когда это длится и длится, я начинаю его разлюбливать. И могу разлюбить окончательно! Я огорчусь...

Другое дело, что этот неудавшийся переворот опять чрезвычайно повернул меня к Горбачеву, потому что он в несчастном положении, а всякое несчастье вызывает сочувствие. Тем не менее, я жутко огорчился тем, что первые его слова были не «спасибо, ребята!». Ведь первые его слова

должны были быть словами благодарности! Благодарности людям, которые поставили свою жизнь под абсолютную пропажу, абсолютную угрозу. Но они все-таки выручили своего президента, как бы они к нему не относились. Я не уверен, что Ельцин так уж возлюбил Горбачева после всего того, что он с ним сделал. Но Ельцин понял: человек в несчастье и его надо выручать. Есть простые человеческие объяснения всякому сложнейшему процессу. И я вообще за такие объяснения народу, потому что я тоже — народ, я — публика. Я должен знать правду.

Но надежд сейчас становится все меньше и меньше. Хотя я пытаюсь себя вздрючить: нет, нельзя унывать! Но надежд меньше. Видимо, это оттого, что во всех планах государства с самого начала, с 17-го года, стояли в одном ряду идеология, политика, экономика. Культура стояла на самом последнем месте! А это губительно для общества. И сейчас такое время, что люди смогли бы смириться с отсутствием колбасы, если бы были задеты за живое духовным воспитанием. Но надо задеть их за живое! А время упущено. Эти шесть лет мы занимались не тем. Мы совершенно не знаем, что такое правовая культура. Американцы духовнее нас? Да ничуть! Но у них есть правовая культура, они знают, что защищены законом.

В мае этого года мы с женой были в Вашингтоне, в Кеннеди-центре, где Ростропович на столетие Прокофьева играл три концерта. Он сам все это организовал. И устроители в антракте говорили: «Слава! Это все — Слава!». Его там никто Ростроповичем не зовет. И он — единственный с именем, без фамилии. И был трехтысячный зал. Разные совершенно люди. Но я никогда не видел ничего подобного — единение в духовном порыве трехтысячного зала. Видимо, такое мы испытывали только на баррикадах.

Нет, я не был на баррикадах — меня не пустили. Я рвался, но я бы и не выстоял там — у меня уже и сердце не то, и ноги... Хотя я понимаю, что я должен был там быть... Все было ужасно — словно просто кончается жизнь. И я думал, о самоубийстве. Хотя я не имею на то права: от меня зависит довольно большое количество народу. Не в экономическом смысле даже (хотя и это тоже присутствует), а в душевном. Конечно, это невозможный для меня поступок. Но 10 июня, накануне президентских выборов, я ночью сказал дома: «Если мы проиграем, я уезжаю отсюда в Вильнюс». Почему-то я выбрал Вильнюс, во всяком случае — Прибалтику. Там я готов терпеть, что угодно. Я знаю, за что они борются, я знаю, как они жаждут свободы. У них расстояние между свободой и несвободой гораздо короче,

чем у меня. Я свободен был только на войне — более или менее — если не было рядом собиста. У нас было такой младший лейтенант Тупинин, перед которым и командир дивизии, генерал, чувствовал себя не очень ловко...

Свобода — невозможно трудная вещь. К ней приспособиться довольно сложно. За рубежом, зайдя в магазин, ты постоянно находишься перед выбором: купить ту горчицу или эту? А ее — восемьдесят сортов! Ездить на этом автомобиле или на том? Просто так прощвырнуться в кино — этого никто себе не позволяет. Все считают деньги! Через месяц я могу посмотреть эту же картину, но заплатив на четыре доллара дешевле. И это планируют люди довольно состоятельные! Зато мы никогда не зависели от денег. В американском доме во время ужина в вашу честь на столе, в лучшем случае — только курица! Все считают деньги. А вот русские американцы шикуют на всю катушку! Но это нуворишество, дурной вкус. Это не наследственный богат, а из грязи — в князи. Это очень смешно. Люди надевают меха, чтобы показать, что они у них есть. Один знакомый показал мне, в своем подвале, в котором были и гараж, и комнаты, и бар, шесть шуб из соболей и норок, которые его жена в жизни не носит! Там их негда носить! Там нет таких холодов. Это очень

смешно — видеть таких богатых людей...

Счастье в чем?.. А если переменить вопрос: счастлив ли я?.. Нет. Хотя это, конечно, звучит нагло и кокетливо, но это чистая правда. Я глубоко несчастлив, потому что только я один знаю пропасть между тем, за что я срываю, и тем, что есть на самом деле. И это меня гложет, съедает, не дает уснуть. Вроде бы: уж кто состоялся, как не я! Все у меня есть: звания! — любые! приятие публики! — повсеместное! Чего я рвусь? На что еще жалуюсь?.. На улице люди кланяются. Самые главные конфликты — в очереди за водкой: я стою, а мне предлагают пройти без очереди. Но я не могу это сделать!.. Да, бывают поступки, за которые я прекращено к себе отношусь. Но так, чтобы себя возлюбить, не потяну. Я не потяну на мою любовь ко мне. Вот это и делает меня глубоко несчастным. Я понимаю свое несовершенство. Хотя я, в общем, ничего дурного специально не делаю... Биография? — нормальная. Большой дом. Автомобиль. И дача в тридцати минутах с зимним домом. Все есть. Но не в этом дело...

С Зиновием Гердтом
говорили:
Екатерина СЕРОВА
и Сергей ШАПРАН.
Фото авторов.